

УДК 398.21(520)

Людмила М. Ермакова

*Муниципальный университет иностранных языков г. Кобэ,
Япония lermakova@gmail.com*

Литературные изводы японской «Золушки» периода Мэйдзи

Аннотация. Речь в статье идет о литературной деятельности периода Мэйдзи – времени самого активного культурного взаимодействия Японии с Западом. Представляя западные литературы, японские переводчики и просветители с самого начала осознали необходимость перевода основных произведений мирового фольклора. Так, в Японии появляются первые переводы «Золушки» в европейских изводах. В статье говорится об истории этих переводов и адаптаций, а также – самым кратким образом – о средневековой предыстории этого сюжета в Японии, пока еще остающейся во многом непроясненной.

Ключевые слова: Эра Мэйдзи, просветительство, переводы и адаптации, Золушка, японские средневековые сказания отогидзо:си.

Liudmila M. Ermakova

Kobe City University of Foreign Studies, Japan, lermakova@gmail.com

Literary versions of the Japanese “Cinderella” in the Meiji era

Abstract. The paper dwells upon literary activities in the Meiji era – the period of the most active cultural interaction between Japan and the West. When introducing Western literatures, Japanese translators and enlighteners have realized from the very start the necessity of translation of the basic world folklore works. Thus, first translations of “Cinderella” in its European versions appear in Japan. The paper tells about the history

of such translations and adaptations, as well as – in the most laconic manner – about the Medieval backstory of the plot in Japan, which remains so far largely under-researched upon.

Keywords: Meiji Era, Enlightenment activity, translations and adaptations, Cinderella, Japanese medieval fairy tales otogizōshi

Период Мэйдзи стал для Японии временем, когда после трех-вековой изоляции от внешнего мира в стране начали происходить активные процессы культурного обновления, модернизации, вестернизации. В литературе эти процессы выразились прежде всего в потоке переводов с европейских языков, причем одновременно переводилась и классика вроде Шекспира, и наиболее актуальные, ставшие знаменитыми, литературные новинки, вроде русских романов конца XIX в. Немалое место в этом потоке занял и перевод мирового фольклора, а том числе – известной сказки о Золушке.

Сам по себе этот сюжет чрезвычайно древний; существует даже предположение, что чуть ли не половина всех существующих сказок – модификация сюжета о Золушке. В конце XIX в. говорилось о 345 версиях, потом стали насчитывать около 700 (см., например, [1 с. 341–342]), а на настоящий момент есть данные о более чем тысяче вариантов этого сюжета, записанных в разных частях света [2]. Предполагается, что впервые этот сюжет описан у Страбона и восходит ко временам фараонов: орел/сокол приносит правителю одну сандалию, украв ее у купающейся девушки, девушку отыскивают по обуви, и правитель женится на ней. Затем по времени следует китайская письменная версия 860 г. (возможно, принадлежавшая не ханьской традиции, а одной из народностей Китая, хотя записана она придворным ученым по-китайски), за ней – одна из новелл санскритского сборника «Веталапанчавимшати» XI в. Более всего этот мотив в виде, соответствующем указателю мотивов Аарне-Томпсона (обозначается как 510A), широко распространен в Европе и средиземноморских культурах, но зарегистрирован он и в Азии, и в Океании, и на Мадагаскаре, и в Маврикии.

Первая европейская литературная версия – итальянская, помещена в «Пентамероне» Джамбаттиста Базиле (1634–1636). Наиболее известные нам более поздние европейские изводы – две версии этого сюжета – опубликованы в сборниках сказок братьев Гримм и Шарля Перро. Эти версии различны – в одном случае (у Перро) в качестве волшебного дарителя выступает фея, у Гриммов – птичка, сидящая на дереве, которое растет на могиле матери Золушки, а также само это дерево, т. е. в конечном счете дух матери. Разнятся и концовки – у Перро Золушка выдает сестер замуж, у Гриммов – сестры наказаны: голуби выклевают им глаза.

Не вдаваясь более в подробности, скажем, что обе эти версии представлены в ранних японских переводах. Во многих источниках первым переводом называют публикацию перевода под названием «Синдэрэра» в газете «Ю:бин хо:ти симбун» 1886 г. Однако, по-видимому, этот выпуск не сохранился: хотя он фигурирует в некоторых списках ранних переводов «Золушки», но конкретные сведения о нем не отыскиваются. Вообще эта газета в те годы имела вид листа плотной бумаги, вроде страницы из книги среднего формата, 80 % площади страницы занимала иллюстрация; такой газетный лист был похож на известные нам гравюры укиёэ на дереве периода Эдо.

Первым переводом-адаптацией, текст которого сохранился и поддается описанию, стало, видимо, издание перевода Суга Рё:хо: 1887 г. (переводчика, журналиста, члена парламента, монаха монастыря Ко:эйдзи) под названием «Чудесная судьба Синдереллы» [3] (иероглиф эн в названии, переведенный здесь как «судьба», означает понятие «кармы»). Имя героини в этом тексте о-Сусу, т. е. «зола», «пепел»; ее мать умерла, пообещав оберегать ее и из могилы, девушка живет с мачехой и двумя сестрами. Когда по соседству в богатом доме устраивается пир, о-Сусу, плача, идет на могилу матери, там голубь с дерева, выращенного девушкой из ветки, сбрасывает ей золотую бальную обувь и японское одеяние косодэ из золотой парчи. Фея, или крестная, как персонаж отсутствует. Этот сюжет, очевидно, является адаптацией разновидности, представленной у братьев Гримм, это подтверждает и переведенная на японский песенка-заклинание, с которой девушка обращается к голубю. Тот предмет, который Золушка теряет второпях, называется одной половинкой обуви, вид обуви (японская, европейская) не уточняется. Потерянный условный ботинок посланцы принца примеряют на обеих сестер о-Сусу (мачеха надевает его своим дочерям по очереди с большим усилием), но когда они торжественно шествуют во дворец мимо могилы матери Золушки, то оттуда раздается музыка и песня со словами, что если перевернуть ботинок, то будет видна кровь. В конце концов ботинок примеряют на о-Сусу, и в результате она входит невесткой в богатый дом.

Следующий перевод появляется через четыре года, называется «Чудесная барышня» («Киёки-кидзё»), принадлежит перу некоего Аи Рю:си (судя по всему, псевдоним). В нем действие происходит в стране Англии, среди джентльменов. Один принц затевает турнир по игре в мяч (видимо, переводчик понял слово ball не как «бал», а как «мяч») и приглашает соседей. Девушка по имени Синдōра (японское производное от Синдереллы) – падчерица и замарашка – горюет, что не сможет вместе с мачехой и ее дочерьми попасть на состязание, но тут является ее покойная

мать, ударяет посохом о землю и является золотая повозка, черные лошади получают из 20-дневных мышей, а лакеи – из ящериц. Далее происходит потеря одного башмака – форма его опять не определяется, это некая обувь вообще – не традиционно японская и не европейская. Вместо крестной или феи действует явившаяся героине покойная мать [4].

В том же 1881 г. выходит третья версия перевода под названием «Чудесная судьба барышни по имени Синдорелла» («Синдорэрадзэ: киэн», где эн – та же «карма») [5], принадлежащая перу (вернее, кисти) Сибуэ Тамоцу, японского переводчика с английского, писателя, педагога. В общих чертах она сходна по сюжету с самым первым вариантом – Суга Рёхо: – за исключением того, что героиня в зачине просит отца в качестве гостинца привезти ей из путешествия первую же ветку дерева, которая коснется его на обратном пути домой, из этой ветки она выращивает дерево на могиле матери (вариант братьев Grimm). В связи с этим переводом примечателен подзаголовок повести: «Чудесная судьба барышни по имени Синдорелла, или Чудесное повествование с Запада о Двух Блюдечках». Два Блюдечка – отсылка к многочисленным японским сказкам о падчерице и ее сестре, прозвища девушек – «Красное Блюдечко» и «Щербатое Блюдечко» (прозвища эти в японском фольклоре при сохранении парности и параллелизма варьируются в зависимости от местности, например, Комэбуку-Авабуку (см., например [6]) – Рисовый Мешочек и Просяной Мешочек). Обе девушки должны выполнить поручение мачехи/матери, но падчерице помогает справиться с заданием горная ведьма. Кстати говоря, этот подзаголовок, вероятно, чуть ли не первая попытка типологического анализа мирового фольклора в японской истории. При этом практически все переводы, о которых здесь идет речь, снабжены иллюстрациями, на которых персонажи изображены в японских одеждах и в совершенно японских интерьерах. Тем более причудливо выглядят некоторые иллюстрации, где изображены женщины с традиционными прическами и в кимоно, сидящие на характерной террасе-энгава японского дома, перед которым стоит карета европейского вида с кучером в цилиндре и с хлыстом в руках.

В четвертой версии история Золушки предстает в исполнении переводчика Иноуэ Канъити под названием «Девушка, покрытая копотью, изначальное имя Cinderella» [7]¹. Падчерица получает от мачехи и ее дочерей прозвание Фусубори – «барышня в копотях».

¹ Каждая сказка в этом разделе книги имеет и название по-английски, что, видимо, свидетельствует об исходном языке перевода. Текст помещен в разделе «Сказки Шарля Перро». Пер. Иноуэ Канъити.

Когда по соседству устраивают бал, Фусубори едет туда в карете с лошадьми, превращенными феей из тыквы и шести мышей. Теряет она с ноги некую стеклянную «верхнюю/внешнюю обувь», сюжет разворачивается в соответствии со сказкой в версии Ш. Перро.

Пятый перевод принадлежит Хакуро Сю:дзин, называется «Одоригуцу» [8], букв. «Обувь для танцев», и относится к 1899 г. Героиню (которая не имеет имени, и на протяжении всего повествования именуется просто девушкой) одаряет некая богиня, у мачехи всего одна дочь, а не две, король сначала примеряет стеклянную туфельку не девушке, а ее сестре, мачеха советует ей срезать с ноги лишнее, и на туфельке появляется кровь. По этому признаку перевод Хакуро Сю:дзин, как и версии Суга Рё:хо: и Сибуэ Тамоцу, возводится к оригиналу братьев Гримм.

И наконец, в 1901 г. появляется перевод-адаптация Цубоути Сё:ё: (1859–1935), японского просветителя, писателя, основателя современного театра, университетского профессора, переводчика полного собрания Шекспира (выполненного в стиле пьес традиционного театра Кабуки). Примечательно, что цель Цубоути Сё:ё: состояла не в том, чтобы выполнить более или менее точный перевод (яп. хонъяку, «воспроизведение», «перенесение»), это, считал он, не столь уж сложная задача. Настоящее литературное мастерство и техника обнаруживаются не в переводах, а в жанре адаптаций (яп. хонъан, «проект/замысел воспроизведения»). Эта идея в России XVIII в. именовалась «склонением на российские нравы», а в 1935 г., надо думать, в рамках этой же концепции А.А. Холодович выполнил свой перевод японской волшебной «Повести о Такэтори-моноготари» IX в., стилизованный в манере русских сказок [9 с. 7].

Перевод Цубоути Сё:ё: называется «О-Син-моноготари», «Повесть об О-син», исходный текст в нем подвергся значительной японизации и стал материалом для чтения в начальной школе [10]. Имя героини О-Син построено по образцу женских имен, принятых в позднесредневековой Японии, однако корень «син» взят при этом из имени Синдерелла. Мачехе тоже дается имя на японский манер – Кома, что-то вроде «несносная». В качестве волшебной дарительницы и помощницы выступает маленькая фигурка Бэнтэн-сама (богини Сарасвати, пришедшей в Японию вместе с буддизмом за полторы тысячи лет до этого, одной из Семи божеств счастья, играющей на лютне-бива). Повседневная одежда О-Син превращается в прекрасное шелковое кимоно, совок для золы становится повозкой, две мыши – лошадьми. В кучера превращается кот (в версии Иноуэ «Девушка, покрытая копотью» кучером становится самая большая и мохнатая мышь, но это, по предположениям Аоки, могло бы показаться девочкам-школьницам оттал-

квивающим и пугающим [11]). Королей и принцев, для Японии нехарактерных, в тексте тоже нет, речь идет о загородной усадьбе богатой семьи. Заботой о детском восприятии Аоки объясняет и то обстоятельство, что критический срок для мышей и кареты добродетельной О-Син – не полночь, а шесть часов вечера.

Но, разумеется, главное отличие сюжета «Повести» О-Син от всех остальных – это способ опознания девушки. В четырех из пяти предшествующих переводов говорится, что ее обувь была такая маленькая, что никому не годилась. Однако в Японии того времени малый размер ноги не считался приметой красавицы, кроме того, по мнению того же Аоки, тогдашних японских воспитателей² могло беспокоить, что эта новая концепция красоты вызовет среди школьниц ненужную состязательность.

Вероятно, проблему составляло опознание героини по обуви. Японская традиционная обувь практически безразмерна и подошла бы любой девушке, как средство опознания человека она мало пригодна. Европейская же обувь была еще недостаточно распространена, особенно в провинции. Поэтому О-Син в переводе Сёё: теряет не туфельку, а складной веер, и когда молодой господин показывает разным девушкам этот веер в сложном виде и спрашивает, какой традиционный узор изображен на веере, только одна О-Син может ответить, что если раскрыть веер, то станет видна «хризантема на волнах».

Такой адаптацией завершилась история мэйдзийских переводов Золушки на японский язык, последующие носили уже более современный и точный характер. Однако история сюжета как таковая на этом не начинается и не кончается. Как уже говорилось, зафиксировано несколько разновидностей японских сказок, относящихся к тому же сюжету и распространенных, главным образом, в северо-западных и северо-восточных ареалах Японии. Что еще более важно – исследователи сходятся на том, что этот сюжет в том или ином виде существовал достаточно давно и, помимо фольклорной традиции, сохранился в ряде литературных памятников Средневековья и сказаний жанра отогизоси. Интересный анализ разновидностей этого сюжета дает, например, Тиэко И. Малхерн. Она выделяет три главных типа персонажей: 1) тип, данный в сказании «Ханаё-но химэ», о деве Ханаё, 2) тип девушки с чашей на голове из сказания «Хатикадзуки» и 3) тип Убакава – девушки в деревянном одеянии. Все эти анонимные сказания

² Напомним, что в те времена японская система образования еще только формировалась, как и новая мораль и поведение в быту, и, во многом, японская педагогика строилась по европейским образцам того времени.

точно датировать не удастся, до нас они дошли в довольно поздних записях – в основном в конце XVI – начале XVII в. Изучая эти и другие сходные средневековые тексты, Малхерн приходит к выводам, столь неожиданным, что другие исследователи не спешат разделить ее концепцию: согласно ей, этот сюжет мог попасть из Китая в средневековую Европу, там принял вид, известный нам по итальянскому изводу Базиле. Затем, согласно концепции Малхерн, этот сюжет в XVI в. был принесен в Японию проповедниками-иезуитами и широко распространился на главных японских островах, сохраняя сходство именно с итальянской версией.

Даже если эта гипотеза недостоверна, она, как нам кажется, заслуживает внимания уже своей оригинальностью и смелостью [12, 13]. Надо сказать, что многие японские исследователи склонны отрицать эту концепцию, настаивая на том, что сюжеты, типологически сходные с 510A AT, укоренились в японской культуре до «христианского» XVI в. и что привлекаемые Малхерн сказания отогидзо:си относятся к предшествующему периоду Муромати, т. е. отодвигают их в прошлое примерно на полтораста лет.

На данном этапе, как представляется, очевидно лишь то, что история этого распространенного сюжета и его разновидности в Японии, несмотря на значительное число трудов на эту тему, все еще содержит много загадок и неисследованных областей.

Литература

1. Поршневa А.С., Бороненко С.В. Зарубежный «роман о Золушке»: к истории вопроса // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 341–342.
2. Чехова М. Nomina propria в сюжетном типе сказок 510 а // Филология и литературоведение [Электронный ресурс]. 2014. № 11. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/11/1017> (дата обращения 25.07.2018).
3. Синдэрэра-но кизэн [Чудесная судьба Синдереллы] / Пер. Суга Рё:хо // Сэйё: кодзи синсэн со:ва [Старинные события Западных Морей – собрание историй о чудесных существах]. Токио: Сю:сэйся, 1887. С. 133–144.
4. Киёки кидзё [Чудесная барышня] / Пер. Аи Рю:си // Ё:нэн дзасси [Детский журнал]. 1881. Т. 1. № 14, 16.
5. Синдэрэра-дзё: кидан [Удивительный рассказ о барышне Синдерелле] / Пер. Сибуэ Тамоцу // Сэйё: ё: ё:кай кидан [Удивительные рассказы о сверхъестественных существах Запада]. Токио, Хаку-бункан. 1891. С. 115–126.
6. Noriko T. Reider. Seven Demons Stories from Medieval Japan. Boulder: Utah State University Press, 2016. P. 156–162.

7. Фусубори, гэнмё Cinderella [Девушка, покрытая копотью, изначальное имя Cinderella] // Сэйё: сэнкё: кидан [Удивительные рассказы об обители волшебников]. Токио: То:ё:до: ситэн, 1886. Р. 179–187.
8. Одоригуцу. Эйкоку отогибанаси. [Танцевальные туфли. Сказание английской земли] / Пер. Хакуро Сюдзин // Сё:нэн сэкай [Мир детства], 1899. Т. 5. № 17. С. 122–131.
9. Ермакова Л.М. «Принцесса Луны» и «Бамбук-дерево»: российская судьба «Такэтори-моноготари» // Найдено при переводе: трансформация, адаптация и культурный трансфер. Белград: Логос, 2016. С. 218–221.
10. О-Син-моноготари [Повесть об О-Син]: Ко:то: сё:такко: ё:. Маки ити. Дай21ка то дай22ка [Для старшего разряда начальной школы. Урок 21, урок 22]. Токио, 1901. С. 324–327.
11. Аоки Тосия. О-Син-моноготари [Повесть об О-Син] // Бунрин [Ученые записки по японской филологии Ун-та Ко:бэ сё:ин дзёси гакуин дайгаку]. 2004. № 38. С. 80–81.
12. Chieko I. Mulhern. Cinderella and the Jesuits. An Otagizōshi Cycle as Christian Literature // Monumenta Nipponica. 1979. Vol. 34. P. 409–447.
13. Chieko I. Mulhern. Analysis of Cinderella Motifs, Italian and Japanese // Asian Folklore Studies. 1985. Vol. 44. No. 1. P. 1–37.

References

1. Porshneva AS., Boronenko SV. The foreign “romance of Cinderella”: on the history of the problem. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2012;2:341-42.
2. Chekhova M. Nomina propria in the tale type 510 a. *Philology and literature* [Internet]. 2014;11. [data obrashcheniya 25 Jul. 2018]. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/11/1017>
3. The miraculous lot of Cinderella. V: *Ancient events of Western Seas-a collection of stories on wonderful creatures*. Tokio: Syu:seisya, 1887. p. 133-44.
4. The miraculous young lady. *Children Magazine*. 1881;14,16.
5. The amazing tale of the young lady Cinderella. V: *Amazing stories about supernatural beings of the West*. Tokio, Khakubunkan, 1891. p. 115-26.
6. Reider NT. Seven Demons Stories from Medieval Japan. Boulder: Utah State University Press, 2016. p. 156-62.
7. Amazing stories about the realm of the wizards. V: *Удивительные рассказы об обители волшебников*. Tokio: То:е:до: siten, 1886. p. 179-87.
8. English legends. *Se:nen sekai*. 1899;17:122-31.

9. Ermakova LM. "The princess of the Moon and "the bamboo-tree": the fate of "Takatori Monogatari" in Russia. V: *Found in Translation: Transformation, Adaptation and Cross-Cultural Transfer*. Belgrade: Logos, 2016., p. 218-21.
10. The tale of O-Sin: For the senior grades of the primary school. First Volume. Lessons 21 and 22 Tokio, 1901. p. 324-27.
11. Aoki T. The tale of O-Sin. The Grove of Letters. The Proceedings of the Dept. of Philology, Kobe Shoin Women University. 2004;38:80-81.
12. Mulhern CI. Cinderella and the Jesuits. An Otogizōshi Cycle as Christian Literature. *Monumenta Nipponica*. 1979;34:409-47.
13. Mulhern CI. Analysis of Cinderella Motifs, Italian and Japanese. *Asian Folklore Studies*. 1985;1:1-37.

Информация об авторе

Людмила М. Ермакова, доктор филологических наук, заслуженный профессор, Муниципальный университет иностранных языков, г. Кобэ, Япония; Япония, Кобэ-си, 651-2102, Ниси-ку, Гакуэн-Хигасимати, 9-тёмэ; lermakova@gmail.com

Information about the author

Liudmila M. Ermakova, Dr. Sci. (Philology), professor emeritus, University of Foreign Studies, Kobe, Japan; 9 Chome Gakuen Higashimachi, Nishi Ward, Kobe, Hyōgo, 651-2102, Japan; lermakova@gmail.com